

О. А. Сергеев

**СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ
В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА ЧЕРЕМИССКАГО» втор. пол. XVIII века**

В настоящей статье рассматривается морфологический способ образования слов на основе изучения одного из корпусов неопубликованного лексикографического произведения втор. пол. XVIII столетия. Цель работы – проследить участие тех или иных суффиксов в образовании слов разных частей речи, а именно имен существительных, имен прилагательных и глаголов. Эмпирической базой послужил рукописный «русско-черемисский словарь», который сохранился в единичном экземпляре. Из суффиксов имен существительных самыми высокопродуктивными и производительными являются *-маш* и *-лык*. Незначительное количество слов образовано с помощью суффиксов *-чык*, *-тыш*. В образовании имен прилагательных своей частотностью отличаются суффиксы *-ан* и *-дыме* (*-дымо*, *-дымѵ*, *-ыдыме*, *-ыдымо*, *-ыдымѵ*). Активностью отличается заимствованный из чувашского языка показатель *-сыр*. Из глаголообразовательных суффиксов самым продуктивным является *-л*. В ходе анализа материала использованы приемы таких исследовательских методов, как описательно-аналитический, сопоставительный, сравнительно-исторический.

Ключевые слова: заимствованный суффикс, лексикографическое произведение, луговой диалект, малопродуктивный суффикс, морфологический способ, ранние письменные памятники, словообразование, составитель словаря.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-498-506

Статья посвящена анализу отдельных знаменательных частей речи (имени существительного, имени прилагательного, глагола) марийского языка, образованных суффиксальным способом. Фактической базой послужил двуязычный рукописный словарь 240-летней давности. Основная цель исследования – проследить активность тех или иных показателей в образовании слов; выявить продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные суффиксы. Все примеры, приведенные в работе в качестве иллюстративного материала, даются в соответствии с оригиналом памятника. При необходимости лексические единицы даны в современном написании.

«Словарь Языка Черемисскаго» (Эрм. собр. № 216) является крупным рукописным лексикографическим памятником XVIII столетия. Входным языком выступает русский. К этому же периоду относятся и такие объёмистые словари марийского языка, как «Краткой черемиской словарь съ російскимъ переводомъ...» (Эрм. собр. № 197/1; более 5000 слов и словосочетаний) и «Словарь черемисскаго языка съ російскимъ переводомъ по алфавиту російскому расположенный» (Ф. 2013, оп. 602-а, д. № 186; около 6000 слов и сочетаний слов)¹. Оба произведения составлены в 1785 году. К сожалению, они остались неопубликованными. По структуре первый памятник является марийско-русским, второй – русско-марийским. Если составителями первого национально-русского словаря считаются священнослужители вятской земли Кукарской слободы (ныне г. Советск Кировской области. – О. С.) Троицкого собора Василий Крекнин и Спасской церкви Иоанн Платунов, то второй, большой двуязычный словарь, был подготовлен «въ Нижегородской Семинаріи отъ знающихъ оныя языки священниковъ и Семинаристовъ подъ присмотромъ Преосвященнаго Дамаскина Епископа Нижегородскаго и Алаторскаго» [Эрм. собр. № 218, л. 5], или, как утверждает С. К. Булич, возник «при Нижегородской епархии по почину или под надзором Дамаскина» [Булич 1904, 433]. В истории отечественной лексикографии он известен как «словарь Дамаскина» [более подробно об этих памятниках см.: 2021, 168–198, 198–237].

Анонимный русско-марийский словарь включает около 3000 лексических единиц (примерно по 21 слову на страницу)². Специалисты по памятникам письменности отмечают его большую ценность для истории [Хайду 1985, 70], как первого письменного источника марийского языка. По замечанию известного российского лингвиста и этнографа С. К. Булича (1859–1921), рукопись «принадлежит к той же серии одинаковых по внешнему виду инородческих словарей и, вероятно, должен был служить

¹ Беловой (санкт-петербургский) вариант словаря хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Эрм. собр. № 218).

² По подсчетам профессора Н. И. Исанбаева – 2869 слов, из них 34 словосочетания [Исанбаев 2014, 7].

материалом для сравнительного словаря Екатерины II³ ... и поступил в качестве материала для сравнительного словаря Екатерины II к Бакмейстеру⁴ или П.-С. Палласу. Впоследствии рукопись досталась Ф. П. Аделунгу⁵ [Булич 1904, 447]. «Словарь Языка Черемисского» является копией рукописи, хранящейся в «Материалах Аделунга» Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 7. Аделунг Ф. П. № 124. № 33. Материалы Аделунга. Черемисский язык) и, по-видимому, вместе с другими материалами был особо переписан для «Высочайшего пользования при работах Императрицы Екатерины II над ее сравнительным словарем» [Булич 1904, 432]. То, что «Словарь Языка Черемисского» (Эрм. собр. № 216) представляет собой копию «Словаря языка черемисского» (№ 33. Материалы Аделунга. Черемисский язык), видно и из того, что в нем преобладают искажения, возникшие из-за неверного чтения, а также непонимания смысла используемых транскрипционных обозначений; кроме того, встречаются типичные ошибки в написании, обусловленные непониманием писца некоторых особенностей почерка оригинала, ср.: *апп* 'вина', *випеш* 'насильно', *випешлык* 'насильство' вм. *аип* (из-за схожести каллиграфии графем *и* и *п* произошла ошибка), *виъши*, *виъшлык* (в оригинале графема *ъ* начерчена как *п*, поэтому переписчик принял ее как буквосочетание *пе*) и другие. В то же время лексикон словаря № 216 расположен в том же порядке, что и словарный материал в деле Ф. П. Аделунга.

В основе «Словаря Языка Черемисского» лежат языковые особенности лугового наречия марийского языка, причем, как совершенно правильно отмечает И. Г. Иванов, очень близкого к современным литературным нормам [Иванов 1975, 36]. Тщательный анализ рукописи позволяет утверждать также, что в памятнике наличествуют лексические единицы и восточного наречия, ср., например: *манда* 'мачеха', *элталамъ* 'обнимаю', *запсырь* 'очень', *чатрыкъ* 'парус', *мендеръ* 'подушка', *палласемъ* 'спознаюсь' и некоторые другие. По мнению известного марийского диалектолога Н. И. Исанбаева, словарь составлен на материале чокающего говора лугового наречия, по-видимому, уржумского [Исанбаев 2014, 7]. Известно, что уржумский говор охватывает небольшую часть современного Мари-Турекского района Республики Марий Эл и территорию Уржумского района Кировской области [Иванов 1981, 50–51]. По данным Н. Т. Пенгитова, он объединяет территории Лебяжского (районный центр – п. Лебяжье), Малмыжского (г. Малмыж), Нолинского (г. Нолинск), Уржумского (г. Уржум) районов и шурминскую сторону (с. Шурма Уржумского района) современной Кировской области, также восточные селения Мари-Турекского района [Пенгитов 1960, 184].

Для уржумского говора, как замечает И. Г. Иванов, из фонетических особенностей характерно широкое употребление переднерядной фонемы *и* [i], щелевых дорсальных согласных *с'* [s'], *з'* [z'] вместо редуцированной *ы* [ɨ], шумных [s], [z] в других наречиях [Иванов 1981, 50–51]. В анализированном раннем памятнике 2-й пол. XVIII в. четко прослеживается только частотность гласного *ы* вместо *и*, например: *нылле* 'сорок', *никтамъ* 'луплю', *чигылтымашиъ* 'щекотание', *цизе* 'титка', *чикалтышиъ* 'затычка', *чикемъ* 'втыкаю', *шигыле* 'бородавка', *шижыктемъ* 'брыжжу', *шиже* 'осень' и другие, лит. *нылле*, *ныктам*, *чигылтымаши*, *чызе*, *чыкалтыши*, *чыкем*, *шыгыле*, *шыжыктем*, *шыже*. Употребление собственно послелога *леч* вместо литературного *деч* 'от' также характерно для уржумского говора. В словаре он дан отдельной словарной статьей, ср.: *лечь* 'от', лит. *деч*.

Из других фонетических особенностей памятника можно отметить следующие видоизменения в области гласных и согласных, например, *ы* [ɨ] ~ э [e]: *элыжемъ* 'воскресаю', *елжеше* 'вспылчивый', *элыштамъ* 'воскрешаю', *ерамъ* 'греюсь', *эректемъ* 'обогреваю', лит. *ылыжам*, *ылыжше*, *ылыжтем*, *ырем*, *ырыктем*; *н* [n] ~ л [l]: *номашиъ* 'жердь', *люлпе* 'ольха', *олталемъ* 'обманываю', *олталше* 'льстец', *олталмашъ* 'обман', лит. *ломаш*, *нӧлтӧ*, *ондалем*, *ондальше*, *ондальмаш*; вместо какуминальной дрожащей фонемы *р* [r] часто выступает её мягкий вариант *р'* [r']: *тюрьбюнчышиъ* 'чихание', *тюрь* 'край', *тюрьбунчемъ* 'чихаю', *тюрьлемъ* 'вышиваю', *тюрьлемашъ* 'вышивка и шитье', *тюрьленъ* 'всячески', лит. *тӱрвынчыши*, *тӱр*, *тӱрвынчам*, *тӱрлем*, *тӱрлымаши*, *тӱрлын*. Отметим, что чередование *н* [n] ~ л [l] главным образом характерно волжскому и моркинско-сернурскому говорам лугового наречия [Грузов 1965, 222–223]. Палатализованный *р'* бытует в уфимском и в кильмезском диалектах восточного наре-

³ Речь идет о «Сравнительных словарях всех языков и наречий...» (СПб., 1787; 1789), редактором которых был известный немецкий естествоиспытатель, путешественник, академик Петербургской АН П.-С. Паллас (1741–1811).

⁴ Бакмейстер Г. Л. Х. (Логгин Иванович) (1730–1806) – русский библиограф, переводчик, редактор.

⁵ Аделунг Ф. П. (1768–1843) – русско-немецкий историк, лингвист, философ, библиограф, действительный статский советник, член-корреспондент и почётный член Санкт-Петербургской Академии наук.

чия, также он обнаружен в речи жителей Липшинского административно-территориального куста современного Звениговского района Республики Марий Эл. По происхождению фонема *p* является вторичным [Грузов 1965, 210–211]. По исследованиям И. Г. Иванова, фонема *p* встречается также в помарском подговоре лугового наречия. Её место нахождения – инлаут слова [Иванов 1981, 46].

Сохранившиеся лексические единицы в рукописном памятнике составляют основной (ядерный) фонд современного марийского языка. В нём фиксировано множество слов, которые образованы морфологическим способом. Они относятся к разным частям речи. Остановимся на именах существительных, образованных суффиксальным способом. Самым высокопродуктивным и производительным является суффикс *-маш* (CVC). Имена существительные при помощи этого показателя образуются от всех глагольных основ без исключения и имеют значения отвлеченного действия или состояния, например: *абызлымашь* ‘отведывание’, *авырмашь* ‘окружение’, *ашнымашь* ‘воспитание’, *ванмашь* ‘бдение’, *вожолтомашь* ‘безсыдство’, *волгыжмашь* ‘рассвет’, *жаплымашь* ‘почитание’, *јоратемашь* ‘любовь’, *каргымашь* ‘проклятие’, *касармашь* ‘прощение’, *кумалмашь* ‘поклонение’, *кюртнюльмашь* ‘кование’, *кырмашь* ‘наказание’, *юкюнемашь* ‘покаяние’, *таныклемашь* ‘свидетельство’ – совр. мар. *авызылмаш*, *авырымаш*, *ашнымаш*, *вангымаш*, *вожылдымаш*, *волгыжмаш*, *жаплымаш*, *јоратымаш*, *каргымаш*, *касарымаш*, *кумалмаш*, *кюртнылымаш*, *кырымаш*, *о́кынымаш*, *таныклымаш*; *тютремашь* ‘курение’ (ср.: *тўтырымаш*, от глагола *тўтыраш* II спр., Г. *тўйтўраш* ‘1) окуривать, окурить (дымом), обдавать, обдать (клубами дыма); кадить (ладаном); 2) клубить; поднимать, поднять, вздымать (пыль, снег) 3) *перен. разг.* дымить, курить; пускать (выпускать) дым при курении’) [СМЯ 2002, 373–374], *ултомашь* ‘мольбище’ (ср.: *улдымаш* ‘моление, чтение молитвы’) [СМЯ 2003, 58], см. также: *удылмаш*, Г. *ыдылмаш* ‘моление’ [Там же, с. 19]) и многие другие.

Из других суффиксов можно выделить:

– суффикс *-лык* (CVC). В абсолютном большинстве случаев он присоединяется к конкретным именам существительным, например: *азалыкь* ‘младенчество’, *аярлыкь* ‘лихость’, *важыклыкь* ‘косо́сть’, *куллыкь* ‘рабство’, *курумлыкь* ‘вечность’, *шинчалыкь* ‘очки’, *шиналыкь* ‘полог’, *эреклыкь* ‘вольность’, *урбезылыкь* ‘младость’, *юдюрлыкь* ‘де́вство’ – совр. мар. *азалык*, *аярлык*, *важыклык*, *куллык*, *курумлык*, *шинчалык*, *шыналык*, *эрылык*, *рвезылык*, *ўдырылык* и другие. Суффикс *-лык* присоединяется и к именам прилагательным, например: *јорлыкь* ‘скудость’, *кансырлыкь* ‘безпокойство’, *усталыкь* ‘мастерство’, *вїашылыкь* ‘справедливость’, *изылыкь* ‘малость’, *шегырлыкь* ‘теснота’ – совр. мар. *јорлылык*, *каньысырлык*, *усталык*, *вїашылык*, *изылык*, *шыгырлык* и некоторые другие. В нескольких примерах суффикс обнаружен при отрицательных причастиях, ср.: *иняндомылыкь* ‘неверность’, *люттомомылыкь* ‘безопасность’ – совр. мар. *иняныдымылык*, *лўддымылык*. В современном марийском языке суффикс *-лык* является высокопроизводительным;

– суффикс *-зе* (*-зо*, *-зё*, *-ызе*, *-ызо*, *-ызё*) (CV): *карузе* ‘вздорщик, грубый, прекословник’⁶, *кокласе* ‘ябедник’, *колозе* ‘рыбак’, *кутюзе* ‘пастух’, *локтозе* ‘колдун, колдунья’, *мончазе* ‘банщик’, *мускаразе* ‘шут’, *пакчазе* ‘огородник’, *ужгазе* ‘шубник’, *ургузе* ‘портной’, *шоязе* ‘сказочник’ – совр. мар. *карузо*, *кокласе*, *колызо*, *кўтўзё* (*кўтўчё*), *локтызо*, *мончазе*, *мыскаразе*, *пакчазе*, *ужгазе*, *ургызо*, *шоязе* (*шояче*) и некоторые другие. Суффикс присоединяется как к именам существительным, так и основам глагола. В современном марийском литературном языке суффикс относят к малопродуктивному типу [СМЯМ 1961, 87; Галкин 1966, 51]. Однако материалы публицистических и художественных произведений последних лет показывают, что активность суффикса намного повысилась [подробнее см.: Сергеев 2021, 190–192];

– суффикс *-ыш* (VC), образующий имена существительные, выражающие результат действия или само действие, от глагольных основ: *јодышь* ‘запрос’, *юушь* ‘пир’, *сирлагышь* ‘милость’, *шулушь* ‘пепел’, *шошкалтышь* ‘свисток’, *шюрюшь* ‘мазилка’, *шошкюшь* ‘дудка’ – совр. мар. *јодыш*, *йўыш*, *серлагыш*, *шулыш*, *шўшкалтыш*, *шўрыш*, *шўшкыш* и другие. Суффикс малопродуктивный;

– суффикс *-тыш* (CVC): *пурылтышь* ‘кусок’, *тодылтышь* ‘отломок’, *тошкалчышь* ‘лестница’, *шулдушь* ‘ломоть’, *шокалтышь* ‘задвижка’ – совр. мар. *пурылтыш*, *пултыш* ‘огрызок’, *тодылтыш*, *тошкалтыш*, *шултыш*, *шўкалтыш* и другие. Данный суффикс образует имена существительные в основном от глагольных основ на сонорные согласные *л* и *р*, по значению синонимичен с суффиксом *-ыш*. Малопродуктивный;

⁶ См.: *прекословие*, ср.: без прекословия (устар.) – то же, что беспрекословно [Ожегов 2001, 583].

– суффикс *-ер* (VC). При помощи этого непродуктивного суффикса образуются слова данного же грамматического разряда с собирательным значением, которые выражают места, где сосредоточены объекты природы (такие понятия как рощи, леса, состоящие из одинаковых пород деревьев или кустарников), названных производящими основами. Отметим, что после данного показателя часто выступает формообразующий суффикс *-ла* (CV). Он, как и суффикс *-ер*, имеет собирательное значение, например: *шертнеръ* ‘ивнякъ’, *куерла* ‘березник’, *пистерла* ‘липнякъ’, *тюньчерла* ‘соснякъ’, *тумерла* ‘дубрава’, ср. также: *воштерла* ‘тростник’ (от *воштыр* ‘прут, лоза’), *тюшкерла* ‘кустарник’ (от *түшка* ‘группа, гурьба, толпа; групповой, общий’ – совр. мар. *шертнер*, *куэрла*, *пистерла*, *пүнчерла*, *тумерла*, *воштерла*, *түшкерла*). В анализированном примере формообразовательный суффикс *-ла* утратил своё значение и стал словообразовательным формантом, ср.: *кожла* ‘ельник’ (от *кож* ‘ель’).

С некоторыми словообразовательными суффиксами фиксировано весьма малое количество лексических единиц. Такими показателями являются, например, суффиксы *-ешке* (VCCV) и *-чык* (CVC), оба – непродуктивные: *имнешке* ‘конница’ (от *имне* ‘лошадь, конь’), *йолешке* ‘пеший’ (от *йол* ‘нога’) – совр. мар. *имнешке*, *йолешке*; *аптранчыкъ* ‘помеха’ (совр. *аптыранчык*) (от *аптыранаиш* ‘стесняться, постесняться кого-чего-л. или с *неопр.* робеть, оробеть; приходиться (прийти) в замешательство; теряться, растеряться’) [МРС 1991, 21]. Две лексемы со словообразовательным суффиксом *-ешке* нами обнаружены в рукописном памятнике «Словарь черемисского языка съ російскимъ переводомъ» Д. Дамаскина: *иктешке* ‘во первых’, *сапешкеше* ‘извощик’ [Сергеев 2003, 90, 187]. В современном марийском языке, по подсчетам Н. И. Исанбаева, лексических единиц с показателем *-ешке* зафиксировано всего 15 образований. В основном они характерны западным диалектам [подробнее см.: Исанбаев 1960, 65–71]. В последнее время с усилиями отдельных творческих личностей из мари создавалось также слово *талешке*, используемое со значением ‘герой’. Главным образом оно употребляется в составе сочетания, которое связано с названием праздника, ср.: *Марий талешке кече* ‘День национального героя’.

В «Словаре Языка Черемисского» сохранилась единственная лексическая единица, которая образована при помощи заимствованного из татарского языка суффикса *-лар* (CVC): *энгежларъ* ‘малинник’, совр. мар. *энгыжвондер* ‘малинник’. Аналогичных образований с показателем *-лар* в марийском языке не существует.

В образовании имен прилагательных своей частотностью отличаются суффиксы *-ан* (VC) и *-дыме* (*-дымо*, *-дымӧ*, *-ыдыме*, *-ыдымо*, *-ыдымӧ*) (CVCV). Суффикс *-ан* присоединяется ко всем именам существительным и образует имена прилагательные со значением обладания тем, что обозначает корневое слово: *ватанъ* ‘женатый муж’, *купанъ* ‘болотистый’, *куруканъ* ‘гористый’, *людмашанъ* ‘ужасный’, *мюшкуранъ* ‘беременный’, *пураканъ* ‘пыльный’, *пуранъ* ‘пивной’, *пурсанъ* ‘гороховый’, *тылзанъ* ‘месячный’, *шикишанъ* ‘дымный’, *шомаканъ* ‘словесный’, *шонанъ* ‘пенистый’, *шунанъ* ‘глинистый’, *языканъ* ‘грешник и грешный’, *юпанъ* ‘волосатый’ – совр. мар. *ватан*, *купан*, *курукан*, *лүдмашан*, *мүшкыран*, *пуракан*, *пуран* (ср.: *пура* ‘пиво, квас’), *пурсан*, *тылзан*, *шикишан*, *шомакан*, *шонан*, *шунан*, *языкан*, *упан* и другие. В отдельных словах суффикс хорошо сохранился в исчезнувших (редких) глоссариях, ср.: *вельшанъ* ‘бористый’ (см. синонимы: *оборчатый*, *пышный*, *сборчатый*, *складчатый*) (от слова *вельш*⁷), *люманъ* ‘клеистый’ (от *лүмӧ* ‘клей’).

Суффикс *-дыме* (*-дымо*, *-дымӧ*, *-ыдыме*, *-ыдымо*, *-ыдымӧ*) образует от всех основ существительных имена прилагательные, обозначающие признак предмета по отсутствию того, что обозначено корневым словом. Например: *аиптомо* ‘невинный’, *ватедомо* ‘безженный’, *вурьтомо* ‘безкровный’, *ентомо* ‘безлюдный’, *жаптомо* ‘безвременный’, *карудомо* ‘безспорный’, *кудувечедомо* ‘бездомный’, *кургудомо* ‘безкормица’, *мучаитомо* ‘безконечный’, *нергедомо* ‘безпорядочный’, *пондаитомо* ‘безбородый’, *юптомо* ‘безволосый’, *чонтомо* ‘бездушный’, *шюлюшитомо* ‘бездыханный’, *юмудомо* ‘безбожный’, *языктомо* ‘безгрешный’, *урлуктомо* ‘неплодный’ – совр. мар. *айыпдыме* (от *айып* ‘вина, ошибка’), *ватыдыме*, *вүрдымӧ*, *ендыме*, *жапдыме*, *карудымо*, *кудывечыдыме*, *кургыдымо*, *мучашдыме*, *нергедыме*, *пондашдыме*, *упдымӧ*, *чондымо*, *шүлышдымӧ*, *юмыдымо*, *языкдыме*, *урлыкдымо* и другие.

В корпусе лексикографического памятника XVIII в. нашло место немало имен прилагательных, образованных суффиксом *-се* (*-со*, *-сӧ*, *-ысе*, *-ысо*, *-ысӧ*) (CV) и, выражающие признаки, основанные на отношении предмета к месту и ко времени. Они образованы:

⁷ В «Словаре марийского языка» данная лексическая единица отсутствует. Составителями этого издания дано слово *вельж* ‘клин, вставка в одежде’ [СМЯ 1990, 209].

- а) от основ имен существительных, например: *кудусе* ‘домовой’, *помошсе* ‘пазушный’, *шижесе* ‘осенний’ – совр. мар. *кудысо*, *помышысо*, *шыжысе* (*шыжымсе*) и другие;
- б) от основ наречий *пырлясе* ‘общий’, *эрласе* ‘завтрешний’ и некоторые другие;
- в) от основы имени числительного: *шымлусе* ‘семдесятый’ – совр. мар. *шымлымсе*;
- г) от основ имени прилагательного: *юлюсе* ‘исподний’ [үл- (-ыл, -нө, -кө)] ‘нижний’, см.: *исподний* (прост.) ‘1) надеваемый подо что-л. другое (об одежде); нижний; 2) нательное белье (обычно мужское)’⁸.

Суффикс продуктивный.

В диахроническом срезе показатель *-се* можно выделить в слове *юмасае* ‘летошный’ (ср.: *үма* + *-се* ‘прошлогодний’, *үма* + *-ште* ‘в прошлом году’; *летошний*, *летошняя*, *летошнее* (прост., обл.) ‘прошлогодний’⁹.

Своей активностью отличается заимствованный суффикс из чувашского языка *-сыр* (CVC). В неопубликованном памятнике слов с показателем *-сыр* встречается около десяти, например: *ушсырь* ‘безумно’, *аипсырь* ‘невинно’, *анишырь* ‘узкий’, *вюдьсырь* ‘безводный’, *запсырь* ‘очень’, *чапсырь* ‘безславно’ – совр. мар. *ушсыр*, *айыпсыр*, *ангысыр*, *вүдсыр*, *жапсыр*, *чапсыр*. В других лексикографических произведениях XVIII в. суффикс *-сыр* также продуктивен в образовании слов. Например, в неопубликованном словаре В. Крекнина и И. Платунова он участвует в образовании 13 слов. А в рукописном «Словаре черемисско-русском» (2-я пол. XIX в.) учителя Казанского духовного училища Флавиана Земляницкого – в 11 новообразованиях. В последнем источнике аффиксу *-сыр* посвящена даже отдельная словарная статья: *сырь* ‘не, частица отрицательная, прибавляемая к концу слова’, (г. *сирь*) [более подробно см: Сергеев 2017, 21–22].

Из глаголообразовательных суффиксов самым продуктивным является *-л* (С). В анализированном памятнике ранней письменности он главным образом присоединен к основам существительных, например: *кюртнюлемь* ‘кую’, *пурумлемь* ‘одолжаю деньги’, *пачашлемь* ‘удваиваю’, *шишлемь* ‘серебря’, *шйбортнелемь* ‘золочу’ – совр. мар. *күртньылем*, *парымлем* (*парымеш пуэм*), *пачашлем*, *шийлем*, *шйртньылем*. Единичные примеры обнаружены с суффиксом *-т* (-д), ср.: *пышкемдемь* ‘завязка’. Однако неизвестным составителем словаря глагол II спряжения неправильно переведен в форме существительного, ср.: *пышкемдаш* ‘делать (сделать) узел, завязывать (завязать) узлом’, а *завязка* ‘пышкем; кылдыш, пидыш’. Суффикс не продуктивен.

Малое количество единиц обнаружено с суффиксом *-тар* (-дар) (CVC): *таньктаремь* ‘свидетельствую’, *таньштаремь* ‘равняю’ (ср.: *тангастарем* ‘сравниваю, сопоставляю, сверю, сличаю’, также см.: *тангасаи*). Слово *таньктаремь* (инф. *таньктараи* II спр.) не нашло место в современном многотомном словаре толкового типа. Однако составителями лексикографического произведения в качестве словарной статьи приведена лексическая единица *таньклайш* ‘свидетельствовать что-л., о чем-л.; засвидетельствовать что-л.’; ср. также: *таньк* ‘свидетель; человек, который лично присутствовал (или будет присутствовать) при каком-л. событии’ [СМЯ 2002, 39, 38]. Отметим, что устаревшее слово *таньк* активно использовалось в речи марийцев в XVIII–XIX столетиях. Оно зафиксировано почти во всех рукописных памятниках 250–150-летней давности, начиная со словарей В. Крекнина и И. Платунова, Дамаскина, кончая неизданными словарями XIX в. А. Канцеровского и А. Смирнова. Лексическая единица *таньк* использована в значении ‘свидетель, друг, третий’¹⁰. Ценными для современной марийской лексикологии являются также лексемы *таньктарымаи* и *таньктыиш*, семантика которых ‘свидетельство’. Они сохранились во многих памятниках письменности марийского языка, производящей основой их является глоссария *таньк*. В настоящее время отдельные общественные деятели, не владея забытым марийским словом *таньктыиш*, для лексической единицы русского языка *свидетельство* неправильно используют лексему *таньк*. В то же время вместо архаического слова наличествует новообразование *таньккагаз* ‘свидетельство’ [МОМ 2011, 274; РМС 2019, II, 327], досл. *таньк* ‘свидетель’, *кагаз* ‘бумага’.

⁸ <https://yandex.ru/search/?text=исподний&lr=41&clid=9403>.

⁹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/849742>.

¹⁰ См.: *третейский* – относящийся к разбору спора, конфликта третьей, незаинтересованной стороной. *Т. суд. Т. судья*; ср. также: *третий* – незаинтересованный в конфликте между сторонами, беспристрастный... *Третьи лица* (спец.) – в гражданском юридическом процессе: лица, заинтересованные в исходе спора между истцом и ответчиком [Ожегов 2001, 810].

Малопродуктивный глаголообразовательный суффикс *-лан* (CVC) участвует в образовании некоторых слов, ср., например: *мюньдюрланемъ* 'отдаляю', *мюшкюрланемъ* 'чреватею' (см.: *чреватый*. '1) устар. беременный (беременная), в состоянии беременности; 2) + твор. п. способный стать причиной чего-либо, могущий породить, произвести, вызвать что-либо, как правило, неприятное, нежелательное'¹¹. Ознакомившись с семантикой слова *чреватый*, лексема марийского языка *мюшкюрланемъ* (*мюшкырланем* 'находиться в состоянии беременности', инф. *мюшкырланаиш* II спр. 'быть беременной') использована в первом значении. К сожалению, как и слово *мюньдюрланемъ* (*мундырланем* 'отдаляюсь', инф. *мундырланаиш* II спр. 'отдаляться'), она не нашла место в лингвистических словарях марийского языка последних лет. Тщательное ознакомление с современными лексикографическими произведениями также свидетельствует о том, что большинство зафиксированных слов в корпусе рукописного памятника, в особенности архаическая лексика, остались вне поле зрения составителей словарей.

Заключение

По структуре «Словарь Языка Черемиссаго» является русско-марийским, относится словарям филологического типа. Он считается копией другого двуязычного памятника марийского языка. Оригинал, как и переписанный вариант, был подготовлен во втор. пол. XVIII века. Основу словаря составляет луговое наречие, по некоторым фонетическим и грамматическим особенностям приближается к уржумскому говору.

В корпусе двуязычного словаря главным образом фигурирует основная лексика языка. В лексикографическом памятнике кроме производящих слов широко отражены и лексические единицы, образованные морфологическим способом. В марийском языке под морфологическим способом понимается образование новых слов при помощи суффиксов. Из знаменательных частей речи по частотности доминирующее место занимают имена существительные. В образовании существительных самыми активными являются суффиксы *-маш* и *-лык*. Констатируем, многие слова составлены авторами на основе живого народного языка с помощью информантов. Ценность памятника заключается в том, что в нём почти не присутствуют искусственно созданные слова. Нельзя не отметить и то, что отдельные суффиксы хорошо сохранились в устаревших и устаревающих словах или совершенно исчезнувших из лексики слов. Анализируемая рукопись представляет интерес не только с точки зрения богатства лексического состава, но и является памятником своего времени. Он считается одним из словарей, который положил начало марийской переводной лексикографии.

СОКРАЩЕНИЯ

Г., г. – горное наречие марийского языка, инф. – инфинитивная форма, лит. – литературный, мар. – марийский язык, неопр. – неопределенная форма, обл. – областное слово, прост. – просторечное слово, см. – смотри, совр. – современный, спец. – специальное, спр. – спряжение, ср. – сравни, твор. п. – творительный падеж, устар. – устаревшая лексика, Эрм. собр. – Эрмитажное собрание, С – consonant, V – vocal.

ЛИТЕРАТУРА

Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. – 1825 г.). С приложением, вместо вступления, «Введения в изучении языка» Б. Дельбрюка. СПб., 1904. 1248 с.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966. 168 с.

Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1965. 244 с.

Иванов И. Г. Возникновение и развитие марийского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1975. 384 с.

Иванов И. Г. Марий диалектологий. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1981. 98 с.

Исанбаев Н. И. К вопросу о происхождении суффикса *-ешке* в марийском языке // Труды МарНИИ. Сектор языка. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1960. С. 65–71.

Исанбаев Н. И. Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2014. 97 с.

МОМ 2011 – Марий орфографий мутер / Йылмыш, литературым да историйым научнын шымлыше В. М. Васильев лумеш марий институт. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.

¹¹ <https://yandex.ru/search/?lr=41&clid=9403&oprnd=5155063106&text=чреватею>.

МРС 1991 – Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 512 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская Академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 2001. 944 с.

Пенгитов Н. Т. Итоги марийской диалектологической экспедиции МарНИИ 1957 года // Труды МарНИИ. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1960. С. 177–188.

МРС 2019 – Русско-марийский словарь: [в 2-х томах]. Т. 2. П–Я / авт.-сост.: Л. И. Барцева, В. Г. Гаврилова, М. Т. Ипакова и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 500 с.

Сергеев О. А. Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. 536 с.

Сергеев О. А. Имена прилагательные в кукарском рукописном памятнике марийского языка XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 18–26.

Сергеев О. А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.: ил., портр.

СМЯМ 1961 – Современный марийский язык: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. 324 с.

СМЯ 1990 – Словарь марийского языка. Т. 1: А–З / Авторы: А. А. Абрамова, И. С. Галкин, А. С. Ефремов и др. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990. 484 с.

СМЯ 2002 – Словарь марийского языка. Т. 7: Т / Сост.: В. И. Вершинин, В. Н. Максимов, С. С. Сибатрова, Е. А. Черашова. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

СМЯ 2003 – Словарь марийского языка. Т. 8: У, Ё, Ф, Х, Ц / Сост.: А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. И. Вершинин и др. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 511 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 429 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание)

Краткой черемисской словарь съ російскимъ переводомъ собранный Кукарской слободы Троицкого собора Протоіереємъ Васиіемъ Крекнинымъ и Спаской церкви Діакономъ Жоанномъ Платуновымъ, 1785 года. Эрм. собр. № 197/І.

Словарь черемисскаго языка съ російскимъ переводомъ. Эрм. собр. № 218.

Словарь Языка Черемисскаго. Эрм. собр. № 216.

Ф. 7. Аделунг Ф. П. № 124. № 33. Матеріалы Аделунга. Черемисскій языкъ.

Государственный архив Нижегородской области

Словарь черемисскаго языка съ російскимъ переводомъ по алфавиту російскому расположенный. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. № 186.

Поступила в редакцию 20.07.2023

Сергеев Олег Арсентьевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Марийский научно-исследовательский институт языка
литературы и истории им. В. М. Васильева
424039, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44
E-mail: olsemar@rambler.ru

О. А. Sergeev

SUFFIXAL WAY OF FORMING WORDS IN THE «DICTIONARY OF THE CHEREMIS LANGUAGE» OF THE 2ND HALF OF THE XVIII CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-488-497

In this article, the morphological method of word formation based on the study of one of the corpora of an unpublished lexicographic work of the 2nd half of the XVIII century is discussed. To trace the participation of certain suffixes in the formation of words of different parts of speech, namely nouns, adjectives and verbs is the purpose of the work. The handwritten «Russian-Cheremis Dictionary», which has been preserved in a single copy, served as an empirical base. Among the noun suffixes, *-mash* and *-lyk* are the most highly productive and productive. A small number of words are formed with the help of suffixes *-chyk*, *-tysh*. In the formation of adjective names, the suffixes *-an* and *-dyme* (*-дымо*, -

дүмӧ, -үдүте, -үдүто, -үдүмӧ) are most often used. An indicator borrowed from the Chuvash language, *-cyr*, is distinguished by activity. Among the verb-forming suffixes, *-l* is the most productive. The techniques of such research methods as descriptive-analytical, comparative, comparative-historical were used during the analysis of the material.

Keywords: borrowed suffix, lexicographic work, meadow Mari dialect, unproductive suffix, morphological method, early written monuments, word formation, dictionary compiler.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 498–506. In Russian.

REFERENCES

Bulich S. K. Oчерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. – 1825 г.). С приложением, вместо вступления, «Введение в изучение языка» Б. Дел'брюка [An essay on the history of linguistics in Russia. Vol. 1 (XVIII century – 1825). With an attachment, instead of an introduction, «Introduction to the study of language» by B. Delbruck]. SPb., 1904. 1248 p. In Russian.

Galkin I. S. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya. Ch. II [Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part II]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 168 p. In Russian.

Gruzov L. P. Fonetika dialektov mariiskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii [Phonetics of dialects of the Mari language in historical coverage]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1965. 244 p. In Russian.

Ivanov I. G. Vozniknovenie i razvitie mariiskogo literaturnogo yazyka: Dis. doct. filol. nauk [The origin and development of the Mari literary language. Doct. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 1975. 384 p. In Russian.

Ivanov I. G. Marii dialektologii [Mari Dialectology]. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1981. 98 p. In Mari.

Isanbaev N. I. K voprosu o proishozhdenii suffiksa *-eshke* v mariiskom yazyke [On the origin of the suffix *-eshke* in the Mari language] // Trudy MarNII. Sektor yazyka. V. XIII [Works of MarNII. Language sector. XIII]. Yoshkar-Ola Publ., 1960, pp. 65–71. In Russian.

Isanbaev N. I. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya dooktyabr'skogo perioda v mariiskom yazyke: slovar'-spravochnik [Russian lexical borrowings of the pre-October period in the Mari language: reference dictionary]. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2014. 97 p. In Russian.

MOM 2011 – Marii orfografii muter [Spelling Dictionary of the Mari language] / *Yylmym, literaturym da istoriiym nauchnyyn shymlyshe V. M. Vasil'ev lümesh marii institut* [Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev]. Yoshkar-Ola Publ., 2011. 368 p. In Mari.

MRS 1991 – Vasil'ev V. M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V. Mariisko-russkii slovar'. 2-e izdanie, s izmeneniyami [Mari-Russian Dictionary: 2nd edition, with changes]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 512 p. In Mari, Russian.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Rossiiskaya Akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., expanded]. M.: Azbukovnik Publ., 2001. 944 p. In Russian.

Pengitov N. T. Itogi mariiskoi dialektologicheskoi ehkspeditsii MarNII 1957 goda [The results of the Mari dialectological expedition of MarNII of 1957] // Trudy MarNII. Vypusk XIII [Proceedings of MarNII. Issue XIII]. Yoshkar-Ola Publ., 1960., pp. 177–188. In Russian.

RMS 2019 – Russko-mariiskii slovar': [v 2-h tomah]. Tom II. P–Ja [Russian-Mari dictionary: [in 2 volumes]. Volume II. P–Ya] / avt.-sost.: L. I. Bartceva, V. G. Gavrilova, M. T. Ipakova i dr. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI Publ., 2019. 500 p. In Russian, Mari.

Sergeev O. A. Iz istorii otechestvennoi leksikografii. Slovar' cheremisskogo yazyka s rossiiskim perevodom [From the history of Russian lexicography. Dictionary of the Cheremis language with Russian translation]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t Publ., 2003. 536 p. In Russian, Mari.

Sergeev O. A. Imena prilagatel'nye v kukarskom rukopisnom pamiatnike mariiskogo yazyka XVIII veka [Adjectives in the Kukarskij memorial manuscript of the Mari language of the XVIII century] // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. T. 11. V. 2 [Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2], pp. 18–26. In Russian.

Sergeev O. A. Yazyk pamyatnikov pis'mennosti mariiskogo yazyka (konets XVII – XVIII vv.) [The language of written monuments of the Mari language (late XVII–XVIII centuries)]. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI, 2021. 422 p.: il., portr. In Russian.

SMYAM 1961 – Sovremennyy mariiskii yazyk: Morfologiya [Modern Mari language: Morphology]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1961. 324 p. In Russian.

SMYA 1990 – Slovar' mariiskogo yazyka. Tom I: A–Z [Dictionary of the Mari language. Volume I: A–Z] / Avtory: A. A. Abramova, I. S. Galkin, A. S. Efremov i dr. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 484 p. In Mari, Russian.

SMYA 2002 – Slovar' mariiskogo yazyka. Tom VII: T [Dictionary of the Mari language. Volume VII: T] / Sost.: V. I. Vershinin, V. N. Maksimov, S. S. Sibatrova, E. A. Cherashova. Yoshkar-Ola: MarNII, 2002. 432 p. In Mari, Russian.

SMYA 2003 – Slovar' mariiskogo yazyka. Tom VIII: U, Ü, F, H, TS, CH [Dictionary of the Mari language. Volume VIII: U, Ü, F, H, TS, CH] / Sost.: A. A. Abramova, L. I. Bartseva, V. I. Vershinin. Yoshkar-Ola: MarNII, 2003. 511 p. In Mari, Russian.

Khaidu P. Ural'skie yazyki i narody [Uralic languages and peoples]. M.: Progress Publ., 1985. 429 p. In Russian.

Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (Ehrmitazhnoe sobranie) [Department of Manuscripts of the Russian National Library (Hermitage Collection)]:

Kratkoi cheremisskoi slovar' s rossiiskim perevodom sobrannyi Kukarskoi slobody Troickogo sobora Protoiereem Vasiliem Krekninym i Spaskoi tcer'kvi Diakonom Joannom Platunovym, 1785 goda [A short Cheremis dictionary with Russian translation, collected by Archpriest Vasily Kreknin of the Kukarskaya Sloboda of the Trinity Cathedral and Deacon John Platunov of the Church of the Savior. 1785]. Ehrm. sobr. № 197/I.

Slovar' cheremisskago yazyka s rossiiskim perevodom [Dictionary of the Cheremis language with Russian translation]. Ehrm. sobr. № 218.

Slovar' Yazyka Cheremisskago [Dictionary of the Cheremiss Language]. Ehrm. sobr. № 216.

F. 7. Adelung F. P. № 124. № 33. Materialy Adelunga. Cheremisskii yazyk [F. 7. Adelung F. P. № 124. № 33. Adelung materials. Cheremissky language].

Gosudarstvennyi arhiv Nizhegorodskoi oblasti [State Archive of the Nizhny Novgorod Region]:

Slovar' cheremisskago yazyka s rossiiskim perevodom po alfavitu rossiiskomu raspolzhenyi [Dictionary of the Cheremis language with Russian translation in the Russian alphabet located]. F. 2013. Op. 602-a. D. № 186.

Received 20.07.2023

Sergeev Oleg Arsent'yevich

Candidate of Science (Philology), Senior Research Associate
Mari Research Institute of Language, Literature and History
named after V. M. Vasilyev

44, Krasnoarmeyskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russia
E-mail: olsemar@rambler.ru